

*Елена Николаевна Наземцева,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
научный сотрудник, кандидат исторических наук*

Военные и политические вопросы в советско-китайских отношениях на завершающем этапе Гражданской войны в России

Революция и Гражданская война серьезно ослабили российские позиции на Дальнем Востоке. Китайская сторона стремилась использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах и восстановить свою власть в приграничных с Россией областях. Особое внимание уделялось Маньчжурии (для восстановления суверенитета в полосе отчуждения КВЖД), Внутренней Монголии и Синьцзяну.

Как дальновидный дипломат и политик, бывший царский посланник в Китае – Н.А. Кудашев понимал, что китайское руководство не преминет воспользоваться смутой в России и укрепить свое положение в приграничных регионах и в особенности – в Маньчжурии: «Дорога, в сущности говоря, русская, хотя деньги и акции большей частью находились в Государственном банке, и только часть находилась в Русско-Китайском, а потом в Русско-Азиатском банке. В ней заинтересованы непосредственно русские и французы. Но китайцы хотят воспользоваться этим положением и забрать дорогу. Придется вести борьбу»¹. Он оказался прав.

Приход к власти в России РСДРП(б) нарушил связь Управления дороги с его высшим распорядительным органом – Правлением, которое фактически перестало существовать. Это привело к тому, что все вопросы, по управлению делами оставались неразрешенными. Кроме того, в русских ополченских частях, расположенных в полосе отчуждения, под влиянием советской пропаганды начались волнения, угрожавшие нормальной деятельности дороги. 12 декабря 1917 г. китайские власти обезоружили русские дружины и предприняли ряд мер, к сохранению в Харбине и полосе отчуждения порядка. Это было первым этапом усиления на дороге китайского влияния.

Позиции китайской стороны на дороге усилились после проведенного Председателем Правления Общества КВЖД 27 апреля 1918 г. чрезвычайного Общего Собрания. На нем были предъявлены удостоверения Российского Агента Министра Финансов в Китае о принадлежности всех акций Общества Русско-Азиатскому банку, избрано новое Правление, в которое вошли

следующие лица: Э.Г. Крживошевский, А.И. Путилов, Д.Л. Хорват, А.В. Колчак, Л.А. Устругов, граф В.С. Езерский, Н.А. Коновалов, З.В. Слаута и китаец Ян Шицин, учреждена должность Директора-Распорядителя с совмещением в одном лице должности Товарища Председателя. Позднее – актом от 14 марта 1919 г. общее наблюдение за железными дорогами, в том числе и за КВЖД было вверено Особому Межсоюзному Комитету.

Образование Всероссийского Правительства в Омске временно приостановило усиление китайских позиций на КВЖД. Однако его последующее падение и начало в марте 1920 г. очередных волнений рабочих и служащих а также заключение 2 октября 1920 г. Русско-Азиатским банком с китайским правительством дополнительного соглашения дали возможность китайскому правительству усилить свое влияние на дороге.

Таким образом, постепенно «власть по управлению дорогой фактически перешла в руки китайцев, осуществлявших таковую временно не в порядке какого-либо договора, а в порядке фактического властвования»².

Чтобы предотвратить дальнейшее усиление Китая в приграничных регионах и сохранить доминирующие российские позиции в ключевых для России районах Китая бывшие российские консулы, прежде всего, разумеется, Н.А. Кудашев, активно включились в борьбу с советской властью.

В то же время в сложившейся на Дальнем Востоке обстановке установление советско-китайских отношений могло бы стать решающим фактором, способным помешать интервенции Антанты, а также усилению китайских позиций. Кроме того, в этот период руководство Советской России, учитывая полуколониальный статус Китая и острое соперничество иностранных держав за свое преобладание в регионе, было заинтересовано в распространении революционных настроений в стране в надежде на осуществление мировой социалистической революции³. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Китай находился в центре внимания советского руководства и в силу традиционных геополитических соображений, однако этот аспект все же не являлся первостепенным. В результате «дальневосточная» линия советской внешней политики не отличалась последовательностью, что опять же было выгодно китайскому руководству.

Советское правительство стремилось установить официальные контакты с правительством Китая и его представительствами как в Петрограде, так и в Пекине. Уже в ноябре 1917 г. народный комиссар по иностранным делам РСФСР Л.Д. Троцкий пытался вести переговоры с главой китайской миссии в Петрограде Лю Цзинжэнем о заключении китайско-советского договора на основе равенства, об аннулировании договоров, причинивших ущерб суверенитету Китая, и установлении дружественных отношений между двумя странами⁴. При этом накоминдел заявил об отказе от прав экстерриториальности русских граждан в Китае, а также о восстановлении прав Китая на территории, по которой проходит КВЖД.

Это означало новую конфигурацию связей в соответствии с новым соотношением внешних и внутренних факторов⁵. Но прежде всего это удовлетворяло китайское руководство.

Однако следует отметить, что объявление договоров, заключенных прежним правительством России и Китая, не имеющими силы, отнюдь не означало полного их перечеркивания⁶. Советское правительство надеялось на ответные ходы китайского руководства: отказ от сотрудничества со странами Антанты и царскими дипломатами, а также на то, что общность классовых интересов послужит основой для строительства межгосударственных отношений, учитывая необходимость борьбы китайского народа против «иностранных угнетателей». С точки зрения международного права эти предложения рассматривались скорее как «декларации о намерениях»⁷.

Но нажим держав Антанты и умелая политика бывших царских дипломатов и в особенности – Кудашева – все же сыграли свою роль: уже 16 декабря 1917 г. китайское руководство открыто заявило о своей поддержке Антанты. Кудашев в это время писал, что «политика пекинского правительства в отношении Советской России была неровной. Оно опасалось влияния русской революции на движение в Южном Китае и зависело от союзников»⁸.

Причины этого объясняли японские наблюдатели: в политике китайского правительства по отношению к советской власти в России с самого начала имелось два течения: прогрессивное и умеренное. Представители прогрессивного течения настаивали на сближении с рабоче-кре-

стьянской Россией, а представители второго течения советовали начать переговоры с последней только после того, как определится позиция союзников. Лидером первых являлся управляющий департаментом внешних сношений Янь, а лидером вторых – управляющий департаментом внутренних дел – Чжан⁹.

Кроме того, на китайскую сторону оказывал давление бывший камергер царского двора Г.А. Казаков, а также правление Русско-Азиатского банка. Несмотря на то, что положение последнего в эти годы было весьма шатким. Собственность банка на территории страны была национализирована во время Гражданской войны, а судьба его главного актива за границей – КВЖД стала одной из важнейших проблем международных отношений 1920-х–1930-х гг.¹⁰

В конце концов, нажим на пекинское правительство привел к срыву советско-китайских переговоров. Китайский посланник покинул Советскую Россию.

Тогда советское руководство попыталось активизировать свои действия в надежде на налаживание контактов с китайским руководством: СНК РСФСР 25 июля 1919 г. обратился с Декларацией к народу и правительствам Южного и Северного Китая, в которой отмечалось, что правительство РСФСР, как только взяло в октябре 1917 г. власть в свои руки, «объявило уничтоженными все тайные договоры, заключенные с Японией, Китаем и бывшими союзниками», а также подтверждался отказ от прав экстерриториальности и от концессий в Китае. Эта декларация была подтверждена в ноте НКВД от 27 сентября 1920 г., врученной главе военно-дипломатической миссии Китая – Чжан Сылиню, прибывшему из Пекина в Москву¹¹.

Ликвидация особых прав и привилегий иностранных держав на территории Китая имела особую важность. Именно это явилось требованием массового «Движения 4 мая» 1919 г., выражением протеста против несправедливого и по отношению к Китаю Версальского мира¹².

Кроме того, состоялось формальное свидание китайского руководства с представителем Верхнеудинского правительства – И.Л. Юриным¹³. Последний по согласованию с НКВД РСФСР был направлен в Китай в июне 1920 г. с дипломатической миссией. Он предложил установить консульские отношения между Китаем и

ДВР, заключить торговый договор и решить проблему КВЖД. Однако его миссия рассматривалась в Пекине только как торговая. Юрину было представлено три условия, на которых Китай желал бы начать торговые отношения с Россией: 1) уничтожение особых прав (экстерриториальности – *Е.Н.*) в Маньчжурии, которые имела Россия до революции, 2) уничтожение договора о сухопутной торговле, заключенного Россией и Китаем в 1881 г., 3) заключение временного торгового договора¹⁴. Политическое же сотрудничество, касающееся урегулирования отношений с Россией, пока отодвигалось «до победы в Северном походе»¹⁵.

В это же время Советская Россия налаживает отношения с китайскими провинциями в Средней Азии, в частности, с Синьцзяном. Политика официальных властей провинции, которых представлял губернатор Синьцзяна Ян Цзэнсинь, в отношении Советской России существенно отличалась от политики центрального правительства Китая, так как губернатор был достаточно независим в своих действиях. Позиции же западных стран в этом уголке Китая были слабы. После Октябрьской революции Ян Цзэнсинь занял нейтральную позицию относительно всех сил, боровшихся в этот период в России, и закрыл границу между Синьцзяном и Средней Азией. Но уже в 1920 г. были возобновлены торговые контакты между сторонами. Именно торговля стала решающим фактором стабилизации ситуации в регионе и налаживания отношений между Советской Россией и Синьцзяном¹⁶.

В конце концов, китайское руководство постепенно меняет свое отношение к новой власти в России. Первые шаги предприняты в отношении бывшей царской дипломатической миссии, которая была лишена всех дипломатических привилегий: 23 сентября 1920 г. был издан Декрет президента китайской республики Сюй Шичана о прекращении официальных сношений с имеющимися в стране российскими дипломатическими представительствами. Согласно этому акту Китай принимал на себя все права Русского Правительства по отношению к русским гражданам и русским предприятиям, находящимся в пределах Китайской Республики. Кроме того, этим актом китайское правительство приняло на себя и все права и обязанности обоих правительств в отношении КВЖД.

Советское руководство в ответ на это в «Обращении Правительства РСФСР к Правительству Китайской республики» снова заявило об отказе России от прав экстерриториальности. После этого все лица российского происхождения, проживающие на территории Китая, перешли под юрисдикцию пекинского правительства.

Отказ от прав экстерриториальности имел ряд негативных последствий. По мнению выдающегося русского ученого-юриста М.Я. Пергаменты, находившегося в это время в Китае, из-за неразвитости китайского законодательства, судопроизводства и произвола при отправлении правосудия Китай не являлся страной, «в которой закон уважается всего менее, а гражданин, его личность и его имущество защищены всего слабее»¹⁷. Он также считал, что именно благодаря экстерриториальности и последующему за этим сближению Китая с Европой и Америкой «Китай пробудился от своего многовекового летаргического сна» и был на пути к достижению высокой роли в мировой экономике и политике¹⁸.

Вопрос об отмене прав экстерриториальности для русских граждан всколыхнул весь дипкорпус в Китае. Его представители протестовали против этого, объясняя это тем, что поскольку иностранные державы не приняли советскую власть, лишение прав россиян не могло быть ими признано. Более того, иностранный дипкорпус соглашался сохранить за консулами бывшей Российской империи прежние права и обязанности, признавая их представителями русских подданных и надеялся, что сами консулы не закроют консульства и будут придерживаться именно такой политики. Деятельность же советских представителей, уже находившихся в этот момент в Китае, предлагалось игнорировать или противодействовать им: «учитывая важность мирного сосуществования для всех держав в Китае, нам надо всеми силами противодействовать деятельности Юрина-Дзевалтовского. Исходя из интересов русских, мы считаем, что необходимо приложить усилия, чтобы ограничить влияние здесь российской большевистской партии»¹⁹.

Такая позиция дипкорпуса объяснялась опасением иностранных представителей возможности требования китайским руководством отмены экстерриториальности для своих граждан.

Между тем, отмена экстерриториальности была весьма выгодна Японии, так как она пре-

следовала цель пересмотреть договоры Китая с европейскими государствами, в том числе и советско-китайский договор относительно КВЖД в свою пользу. Китай же, допуская ранее права экстерриториальности, концессии и другие преимущества иностранцев на своей территории, являлся препятствием на пути реализации целей японского господства в Азии²⁰. С другой стороны, Китай сам имел свои цели, одной из первых в этом отношении было стремление к возвращению КВЖД и лишь временное усиление антибольшевистского лагеря приостановило этот процесс²¹.

Безусловно, отказ от прав экстерриториальности являлся актом не столько правовым, сколько «темпераментным» и носил характер скорее идеальный, чем реальный. Тем не менее, цель была достигнута. В 1922 г. в Китай прибыла официальная российская миссия. В Пекине её возглавил бывший вице-консул в Шанхае – А.Н. Вознесенский²². В сентябре 1923 г. посольство возглавил Л.М. Карахан.

Собственно военный аспект советско-китайских отношений в этот период касался ликвидации вооруженных формирований остатков Белой армии, отступивших в Китай и Монголию.

Наиболее значимыми они были на северо-западе Китая – в Синьцзяне. Здесь оказалось около 50 тыс. русских беженцев. Сюда отступили остатки Оренбургской, Семиреченской армий под командованием Б.В. Анненкова, А.И. Дутова и А.С. Бакича. Длительное время после перехода границы в 1920 г. отступившие военные части, сохраняли свою организацию и сразу же начали подготовку к новым боям. Однако в ходе совместных военных операций советских и китайских войск, проведенных на территории Синьцзяна и Монголии в 1921-1922 гг., они были уничтожены.

Военный аспект, касающийся Монголии в советско-китайских отношениях, следует рассматривать в двух плоскостях: советское военное присутствие на территории страны и присутствие на территории страны частей бывшей Белой армии.

Китай не мог примириться с потерей Монголии, поскольку считал её своей территорией и надеялся, что она будет возвращена ему если не в результате мирных переговоров, в которые он потерял веру, то в результате боевых действий.

Для достижения этой цели в Монголии велась «надлежащая работа»²³. Не последняя роль в ней отводилась русским эмигрантам.

В советских дипломатических документах присутствие частей Красной армии в Монголии обосновывалось следующим образом. Отступившие в начале 1921 г. на территорию Монголии разбитые белогвардейские армии, объединились с «враждебными Советскому Правительству элементами» и создали базу для новых нападений на территорию СССР. Неоднократные обращения советского руководства к китайскому правительству с просьбой ликвидировать остатки вооруженных формирований атамана Семёнова, барона Унгерна и др. не привели к положительным результатам. По мнению советских властей китайское правительство оставалось безучастным²⁴.

В результате «в интересах безопасности своих границ» СССР ввёл на территорию Монголии части Красной армии, которые ликвидировали белогвардейские отряды. После этого красноармейские части продолжали оставаться на территории Монголии «в интересах сохранения порядка и в целях недопущения организации белых банд как новой угрозы безопасности СССР»²⁵. При этом численность дислоцировавшихся на территории Монголии красноармейских частей постепенно сокращалась. Однако долгое время вопрос о пребывании Красной армии на территории Монголии не был разрешён. Советские дипломаты обосновывали это отсутствием официальных дипломатических отношений между двумя государствами. Ситуация

получила разрешение лишь после заключения советско-китайского соглашения 31 мая 1924 г. и установления дипломатических отношений. Было принято решение о том, что вопрос о выводе войск из Внешней Монголии, сроках вывода, мерах, которые должны были быть предприняты в интересах безопасности границ, будет рассмотрен на специальной конференции. Она должна была начать работу через месяц после подписания договора. После этого советское руководство обязалось вывести свои войска из Внешней Монголии. Однако советское правительство приняло решение о выводе войск до начала работы конференции²⁶.

Безусловно, вступление красноармейских частей на территорию Монголии, как отмечал китайский министр иностранных дел, «вызвало самое сильное недоразумение у китайского народа». Однако уверение советской стороны об отсутствии каких-либо захватнических целей сгладило ситуацию. Полная же эвакуация войск после завершения операций способствовала налаживанию отношений и временной стабилизации обстановки. В то же время, подчёркивалось, что отношения Китая с Монголией являются исключительно внутренним вопросом Китая²⁷.

Таким образом, на завершающем этапе Гражданской войны в России возникшие в советско-китайских отношениях военные и политические вопросы существенно осложняли международную ситуацию в регионе. В то же время в ходе их решения создались предпосылки для налаживания взаимовыгодных отношений между двумя странами.

¹ Кудашев Р.Х. Князь Кудашев – посол России. История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции 6-7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 230.

² Кайсаров В.Д. Правовое положение КВЖД // Экономический вестник Маньчжурии. Харбин, № 21-22. С. 6.

³ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004. С. 428.

⁴ Границы Китая: история формирования / Под общ. Ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 186.

⁵ Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 430.

⁶ Границы Китая: история формирования / Под общ. Ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 188.

⁷ Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 431.

⁸ Цит. По: Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в 1918-1920 гг. М., 1964. С. 330.

⁹ Цюо Симбун Япония о России // Голос Японии. 1920. № 27. Токио. С. 4.

¹⁰ Лебедев С.К. К вопросу о судьбе Русско-Азиатского банка в конце 1920-х гг. // Санкт-Петербург – Китай. Три века контактов. СПб., 2006. С. 229.

- ¹¹ *Границы Китая: история формирования / Под общ. Ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 187.*
- ¹² *Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М., 2001. С. 13.*
- ¹³ *Цюо Симбун Указ. соч. С. 4.*
- ¹⁴ *Там же.*
- ¹⁵ *Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941-1945. М., 1999. С. 19.*
- ¹⁶ *Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 451.*
- ¹⁷ *Пергамент М.Я. Новейший обмен мнений по вопросу об экстерриториальности в Китае // Вестник Маньчжурии. 1925. № 8-10. С. 7.*
- ¹⁸ *Там же. С. 8.*
- ¹⁹ *Цит. По: Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. С. 136.*
- ²⁰ *Малышенко Г.И. Дальневосточная эмиграция российского казачества в планах международной реакции (1920-1930-е гг.) // Инновационное образование и экономика. 2010. № 7. С. 55.*
- ²¹ *Цюо Симбун Указ. соч. С. 3-4.*
- ²² *Хейфец А.Н. Указ. соч. С. 317.*
- ²³ *Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 541. Л. 29.*
- ²⁴ *Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 22. П. 169. Д. 100. Л. 98.*
- ²⁵ *Там же.*
- ²⁶ *Там же.*
- ²⁷ *Там же. Л. 110.*

